

Подпорожский р-н Лен. обл. в августе 1999 г. и рекогносцировочный выезд в Тихвинский район.

³⁸ Там же. Д. 116. Л. 3, Л. 5 об.; Ф. 10. Оп. 1. Д. 115. Л. 27 об., 28, 31 об.: Королькова Л.В. Полевой дневник экспедиции в Подпорожский и Тихвинский р-ны Лен. обл. 2000 г.

³⁹ Там же. Л. 19.

⁴⁰ Там же. Д. 116. Л. 3, 4.

⁴¹ Петухов А. Нужна ли вепсам автономия // Северные просторы. 1990. – № 6. – С. 4, 5.

⁴² Архив РЭМ. Ф.10. Оп.1. Д. 82. Л. 13 об.: Полевой дневник экспедиции в Тихвинский, Бокситогорский, Подпорожский, Лодейнопольский р-ны Лен. обл. 1995 г.

⁴³ Там же. Л. 4, 13 об., 27–33, 39.

⁴⁴ Шелтозерское вепское сельское поселение // [www. http://ru.wikipedia.org/wiki/Шелтозерское](http://ru.wikipedia.org/wiki/Шелтозерское) (дата обращения 12.02.2012); Рыборецкое вепское сельское поселение // [www. http://ru.wikipedia.org/wiki/Рыборецкое](http://ru.wikipedia.org/wiki/Рыборецкое) (дата обращения 12.02.2012); Куйское национальное сельское вепское поселение // [www. http://ru.wikipedia.org](http://ru.wikipedia.org) (дата обращения 12.02.2012); Шокшинское сельское поселение // [www. http://hghltd.yandex.net/Шокшинское](http://hghltd.yandex.net/Шокшинское) (дата обращения 12.02.2012); Пашозерское сельское поселение // [www. http://lenobl.ru/gov/municipal/mc16/rshsr](http://lenobl.ru/gov/municipal/mc16/rshsr) (дата обращения 12.02.2012); Администрация МО «Винницкое сельское поселение» // [www. http://vinadm.podadm.ru](http://vinadm.podadm.ru) (дата обращения 12.02.2012); Информация о численности Радогощинского сельского поселения на 01.01.2012 получена автором статьи от главы сельского поселения.

Формирование образа ребенка (представления и практики финно-угров Поволжья и Приуралья)

ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА КОЛЧИНА

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)
Заведующая отделом этнографии народов Поволжья и Приуралья
e-mail: kolchina-e@mail.ru

В статье рассматриваются представления и практики, связанные с формированием этнически обусловленного эстетического облика человека на ранних этапах процесса социализации у финно-угорских народов Поволжья и Приуралья.

Ключевые слова: социализация, этносоциальная идентификация, идеальный облик человека.

The Evolvement of the Infant Appearance Type (in Accordance with the Conceptions and Practices of the Finno-Ugric Peoples of the Volga and Ural Region)

ELENA V. KOLCHINA

Head, Department of the Ethnography of the Volga and Ural Peoples,
Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia
e-mail: kolchina-e@mail.ru

The article deals with the conceptions and practices that gave rise to the development of the ethnically-determined aesthetic human appearance type at the early stages of socialisation experienced by the Finno-Ugric peoples of the Volga and Ural region.

Key Words: ethnic socialization, ethno-social identification, ideal human personal appearance.

Внешность человека – один из существенных этноидентификационных признаков. Визуальные характеристики позволяют выстраивать оппозиции различного таксономического уровня – не только «свой – чужой», но и «свой красивый – свой некрасивый». Сложившиеся представления об обыденной красоте устойчивы и отражают некоторые этнические стереотипы в вопросах предпочтительности. Поэтому стремление человека к формированию идеального образа было вовсе не иллюзорно, а вполне конкретно.

На каждом этапе социализации детей в традиционном обществе, в частности у финно-угорских народов Поволжья и Приуралья, имели место особые практики, направленные на обеспечение привлекательности внешности. Для перинатального (дородового) периода важнейшим являлось соблюдение беременной определенных запретов для того, чтобы младенец родился здоровым, не имел физических недостатков, а также непривлекательных, с точки зрения традиционных эстетических представлений, черт внешности. На этапе нео-

натальном (первые 4 недели жизни ребенка) и вплоть до 3–5-летнего возраста облик ребенка мог корректироваться с помощью т. н. правки – своеобразного массажа, направленного на придание телу правильных (красивых) пропорций.

В статье анализируются представления об этнически обусловленном идеальном образе человека у финно-угров Поволжья и Приуралья, а также приемы и методы, позволяющие формировать соответствующий образ. В качестве основных источников используются опубликованные труды, раскрывающие эту тему, а также оригинальные полевые материалы автора (результаты экспедиций в Коми-Пермяцкий АО, 1993; Республику Коми, 1995; Республику Удмуртия, 2005; Республику Мордовия, 2007; Республику Марий Эл, 2009).

Общество предъявляет к своим членам определенные требования, выполнение которых обладает значимостью уже на этапе подготовки к зарождению новой жизни и способствует достижению идеала. Известно, что уже в ходе свадебного ритуала в молитвах и благопожеланиях содержались просьбы о даровании жениху и невесте большого потомства – красивых и здоровых детей:

Как хмель легкий,
Так легко и вы живите!
Как размножается хмель,
Так размножайся и ты:
Семь мальчиков белоголовых,
Семь девочек-красавиц,
Родить-вырастить...¹.

Данный мотив является универсальным для свадебных фольклорных текстов. Например, кульминацией свадебного обряда у марийцев было благопожелание молодоженам, произносимое отцом: «Будьте богаты, как земля, светлы, как молния! Будьте многодетны. Пусть будет у вас девять сыновей и семь дочерей!»². Молодым предлагалось выпить молока и сока из красных ягод, чтобы дети были белолицы и румяны. Подобный обряд зафиксирован также у карелов³ и у русских. В частности, по мнению В.Е. Добровольской, о будущем потомстве начинали заботиться еще на свадьбе: «...повивальная бабка, которую в настоящее время заменила крестная жениха, угощала молодых молоком с ягодами брусники, черники или черемухи, “чтобы, значит, дети белые и румяные были”»⁴. Таким образом, как считает Добровольская (данную точку зрения разделяет и автор настоящей работы), дородовый период для молодой семьи начинался с момента угощения молодых на свадьбе молоком с ягодами.

С момента наступления беременности и до родов женщина должна была придерживаться ряда запретов. Соционормативные установки традиционного общества моделировали особый тип поведения будущей матери. Правильное поведение беременной способствовало, как полагали, рождению здорового и красивого ребенка. Через систему запретов можно было выявить общие представления о том, каким надлежало стать будущему соплеменнику. Нарушение запретов на посещение определенных «нечистых» мест, на употребление некоторых видов пищи, использование ненормативной лексики могло отразиться на облике, здоровье, поведении будущего ребенка, на его способности стать полноценным представителем данного социума, своей этнической группы.

Например, бесермяне⁵ считали, что беременной нельзя стричь волосы, чтобы не укоротить жизнь ребенка, нельзя смеяться над калеккой, плохо говорить о больных и увечных – новорожденный будет с физическими недостатками, нельзя бить животных, убивать насекомых – младенец родится мертвым или с родимыми пятнами на теле. Женщине следовало соблюдать пищевые табу: из опасения, что дитя будет с желтушной кожей, запрещали есть в большом количестве яйца, летом советовали ограничить в рационе ягоды, чтобы ребенок не родился с сыпью. Беременной не разрешали употреблять спиртные напитки, так как полагали, что младенец будет с физическими недостатками, а, повзрослев, пристрастится к спиртному. Беременной запрещалось находиться рядом с культовыми постройками, ломать ветви растущих рядом деревьев, ходить в «нечистые места»⁶.

У мордвы считалось, что женщине в период беременности запрещено смотреть на калек и нищих, посещать больных, присутствовать на похоронах. Все это было обусловлено представлениями, что в этих случаях она может родить калеку или урод, похожего на животное. Нельзя было класть за пазуху яйца – ребенок будет золотушным, семечки – ребенок может заболеть корью, орехи – у ребенка будут шишки⁷.

По представлениям марийцев, в период беременности женщина должна была соблюдать предписанные обычаями запреты в отношении определенных предметов и действий, чтобы роды прошли благополучно и ребенок был здоров. Беременной нельзя было грубо обращаться с животными: пинать свинью, собаку, кошку, иначе ребенок будет мучиться «волосняницей». Женщине запрещалось хранить что-нибудь за пазухой. Это, как полагали, вело к появлению у младенца бородавок или пиг-

ментных пятен. Нельзя было перешагивать через оглоблю, ибо это могло привести к рождению ребенка-горбуна. Чтобы ребенок не родился с загнутой шеей, беременной запрещалось переступать через коромысло. Женщины остерегались пить из ведра, иначе ребенок будет страдать насморком.

Беременной советовали не употреблять в пищу куриную печень – от этого новорожденный мог родиться с синими губами. Ей не разрешали красить яйца, чтобы предотвратить появление у новорожденного красных пятен. Она не должна была садиться на стул деда или престарелого члена семьи, ей запрещалось смотреть на покойника. Если беременная участвовала в похоронах близкого человека, то должна была носить в кармане (в качестве оберега) серебряную монету⁸. Считали, что беременная женщина ни в коем случае не должна была прикасаться к предметам красного цвета, поскольку опасались появления у младенцев пятен на лице и теле.

Следует заметить, что белая чистая кожа считалась весьма привлекательной чертой внешности у многих народов. В этой связи беременным женщинам предписывалось употребление в пищу молока и продуктов условно белого цвета (например, белокачанную капусту). Аналогичные предписания существовали и у русских Поволжья: «Повитуха после прочтения молитвы благословляла будущую мать на совершение определенных действий. Например, для того, чтобы дети были “чистыми” (т. е. без оспин и веснушек), повивальная бабка благословляла мести пол и есть определенную еду: “Вот, чтобы ребеночек чистым был, хорошеньким, пока баба брюхаста, повитуха к ней придет, молитву прочтет, чтоб та, значит, подмела пол чисто-чисто, чтоб сора совсем не было, чтоб и младеня чистым был”, “...повитухе поклонись, она тебе капусту давать будет. Капуста белая, и детки белыми будут”, “...она [повитуха] будет тебе молочко с благословением приносить <...> она свое принесет, намоленное, и детки беленькими будут”»⁹.

Марийцы полагали, что характер ребенка зависит от поведения матери в момент первого шевеления плода. Считалось, что в зависимости от того, на кого беременная посмотрит в этот момент, таким по характеру и внешнему виду станет будущий младенец. Поэтому существовало поверье, согласно которому смотреть в этот период нужно было на хорошего во всех отношениях человека¹⁰.

Беременная женщина в традиционном удмуртском обществе в своем поведении должна была также придерживаться определен-

ных правил, руководствуясь многочисленными приметам и поверьями. Главное требование к ее поведению – быть спокойной, сдерживать свои чувства, не проявлять злость, неприязнь в отношении людей. Верой в симпатическую магию (подобное рождает подобное) обосновывался ряд запретов: не смотреть с брезгливостью на чьи-либо уродства, иначе это передастся ожидаемому ребенку, не бить живых существ, иначе на теле у ребенка будет некрасивое пятно, и т. п. А для передачи ребенку физической красоты понравившегося человека следовало закрепить этот момент, лизнув свою руку. Полагали, что даже негативные мысли беременной женщины могли повлиять на будущего младенца¹¹.

Согласно традиционным представлениям коми для сохранения здоровья ребенка необходимо задолго до его появления на свет принимать меры магической защиты, поэтому беременная должна была иметь при себе различные амулеты и обереги: острые металлические предметы, когти и зубы животных, рыб и т. д. Это могли быть и некоторые специальные детали одежды. Так, некоторые женщины надевали поверх сарафана специальный пояс, сплетенный по типу рыболовецкой сети с двойным рядом¹².

Считалось, что черты внешности не только закладываются, но и подвергаются корректировке уже на этапе беременности. Комплекс табу, связанных с вынашиванием ребенка и его рождением, опосредованно раскрывает те физические и нравственные качества человека, которые в деревенском сообществе признавались нормой или, напротив, были нежелательны¹³. Особенно боялись родить звероподобное существо (покрытое шерстью, с заячьей губой, несоразмерными конечностями).

Таким образом, обобщая изложенное выше, можно обозначить ряд визуальных признаков, которые должны были быть скорректированы не только на этапе беременности, но даже до ее наступления. Прежде всего, это черты, которые являются своеобразными медиаторами в оппозиции «свой – чужой», т. е. речь идет в первую очередь об универсальных составляющих человеческого облика:

- пропорциональное строение тела;
- соразмерность конечностей;
- кожа белая (светлая);
- кожа чистая (без «щетинок», «родимых пятен»);
- румянец на щеках;
- волосы густые.

Это основные черты, которые ожидали увидеть в новорожденном. Именно их универсаль-

ность указывает на то, что в дородовый период в большей степени актуализируется бинарность «человек–нечеловек», «свой человек – чужой человек», нежели «свой красивый – свой некрасивый».

Все обряды, связанные с рождением ребенка и первым годом его жизни (который, как считалось, во многом предопределяет судьбу человека), включали комплекс действий санитарно-гигиенического и магического характера. После рождения младенца над ним совершался ряд манипуляций, весьма показательных с точки зрения социализации. От того, кто родился – «пахарь», «охотник», «хозяин», «пряха», «ткачиха», «красавица», – зависело, какими способами и методами, закрепленными в данном обществе, будет формироваться эта роль и соответствующий ей визуальный образ. Например, у бесермян (как и у удмуртов), если рождалась девочка, то говорили, что в семье появилась «пряха, нянька», а если мальчик – всех оповещали, что появился «пахарь, помощник отцу». Таким образом, половую принадлежность новорожденного обозначали предстоящим родом занятий¹⁴. Оценка физических качеств новорожденного и комментарии по этому поводу во многом свидетельствуют о том, каким видится взрослым будущее младенца. Вялый после рождения, не кричит – «не жилец», если же очень громко кричит – «горластый», «шустрый будет».

Цвет кожи ребенка, размер и вес, особые отметины становятся не только критериями жизнеспособности, но и знаками, позволяющими прогнозировать социальный путь младенца. Если ребенок полный, но легкий, могли сказать: «Воды много – вялым будет, рохлей». Слишком крупный и тяжелый младенец хоть и получал оценку «богатырь родился», «такие раз в сто лет рождаются», но, как и все чрезмерное, вызывал некоторую настороженность.

Общество и родители «необычных» детей понимали свою ответственность за их жизнь и здоровье, прогнозировали им необычную судьбу и особую социальную роль. Новорожденному, который воспринимался как «не совсем такой», необходимо было (особенно на раннем этапе) обеспечить самое пристальное внимание и тщательный уход. Боязнь сглаза и порчи заставляла усиливать бдительность взрослых по отношению к подобным младенцам. Таких же мер требовали и долгожданные – «вымоленные» дети. Однако меры защиты сакрального и профанного толка применялись к любому появившемуся на свет малышу.

В контексте настоящего исследования не ставится задача описания всех этапов родильной

обрядности, остановимся лишь на тех моментах, которые так или иначе связаны с формированием визуального облика человека через актуализацию этноидентификационных соматических признаков. «Правка» младенца являлась способом формирования идеального облика. Сразу после рождения малыша над ним совершали ряд действий, направленных на придание телу ребенка правильной (красивой) формы. Считалось, что появление ребенка на свет еще не означает его окончательного физического формирования, поэтому младенца, особенно в первые недели и даже месяцы после рождения, «додельвали». Представление о новорожденном как не об окончательно сформированном человеке выражается в разнообразных эпитетах – «сырой», «мягкий, как глина», «глиняный» и т. п., его старались различными способами «долепить», т. е. привести его черты в соответствие с определенным человеческим и этническим образцом. Первый год жизни считался наиболее важным, поскольку основными целями этого периода были сохранение жизни и здоровья ребенка, а также формирование его внешности. Полагали, что в течение данного срока еще можно внести некоторые коррективы в судьбу младенца.

Важным знаковым моментом было первое купание. Сразу после рождения новорожденного обмывали в бане. На значимость этого обряда (в частности, у мордвы) указывают особые меры и магические действия: воду старались брать из родника, ручья, несли без коромысла, чтобы ребенок не был горбатым¹⁵.

Обычно в воду для купания опускали серебряные монеты, могли положить хмель, зерна, различные травы. Считалось, что от купания в такой воде к ребенку придут красота, здоровье и богатство. Имеются сведения, что в воду для купания мальчика опускали соль, которая ассоциировалась с крепостью. Чтобы малыш был красивым и здоровым, его парили рябиновым веником. Например, у мордвы мальчика парили дубовым веником, чтобы был сильным, здоровым и долго жил, а девочку – березовым, чтобы росла красивой¹⁶. Следует заметить, что в случаях лечения детей в бане для мальчиков делали дубовый веник, а для девочек – березовый («из трех берез») ¹⁷. Маленькие березовые венички для парки детей делали и коми. Необходимо уточнить, что для новорожденных и младенцев парки как таковой не существовало: ребенка поглаживали, а веник только слегка могли приложить к туловищу.

Повивальная бабка (например, у мордвы), обмыв и попарив новорожденного, выправляла его ручки, ножки, его пупок, чтобы не было

грыжи, придавала головке правильную форму. Все эти манипуляции, в том числе и рациональные приемы, сопровождались заговорами: «Пусть руки будут сильными, чтобы смогли держать плуг-соху, спицы-веретено, а ноги – крепкими, чтобы твердо стоять на земле»¹⁸.

Первые три дня после родов ребенка помогала мыть повитуха, которая легкими поглаживающими движениями начинала «править» новорожденного, часто произнося при этом определенные приговоры и молитвы на здоровье и красоту малыша и заговоры от «сглаза». Следует заметить, что именно первые сорок дней считались наиболее опасными и для матери, и для новорожденного. В этот период старались не показывать роженицу и младенца посторонним, т. к. считалось, что их могут «сглазить». Именно «сглазом» объясняли появление прыщей и пятен на коже младенца¹⁹.

Мальчиков и девочек парили по-разному: мальчика – от спины к плечам, а девочку – от ягодиц, подчеркивая тем самым части тела, которые требовали особенных канонических пропорций. У восточных марийцев новорожденной девочке прежде всего умывали лицо и ягодицы, чтобы она была красивой и хорошо сложенной. Во время купания говорили слова-пожелания, чтобы девочка выросла пригожей для замужества: «Будь достойна мужчины своего народа!»²⁰. По представлениям финно-угорских народов Поволжья и Приуралья, красивая женщина должна иметь пышные бедра, а мужчина быть широким в плечах. Когда купали мальчика, то приговаривали, чтобы вырос годным для службы в армии и способным присмотреть за престарелыми родителями.

Луговые марийцы символически парили младенца в бане рябиновым веником. Считалось, что после этого ребенок будет защищен от болезней и от «дурного глаза». В воду, в которой мыли новорожденного, опускали монеты или украшения из серебра, чтобы ребенок был здоровым и богатым²¹. Есть сведения, что в воду для купания могли добавить немного молока, чтобы кожа малыша была белая и чистая²².

У бесермян повивальная бабка оставалась с роженицей и ребенком на несколько дней, только если возникала необходимость ухода за ними, и тогда первые три дня она помогала купать младенца в бане. Во время купания старшие женщины его правили: ребенка клали на животик пупком на ладонь, «расправляли», особым образом сжимали голову, чтобы она была красивой формы²³. Этот обычай существовал также у удмуртов.

Первые несколько дней после рождения малыша у коми парили каждый день, при этом ему поглаживали спинку и произносили особые заговорные слова²⁴. После этого в первый месяц жизни ребенка в баню носили несколько раз в неделю. Во время купания малыша над ним совершали ряд действий, направленных на придание телу ребенка правильной (красивой) формы. Правили руки, ноги, голову, лицо. Чтобы руки и ноги были длинными и прямыми, что считалось красивым, младенца клали на животик и сзади соединяли правую ногу с левой рукой и наоборот. Или клали на спинку и поглаживающими движениями вытягивали, выпрямляли руки и ноги. Особое внимание у коми (как и у других финно-угорских народов региона) обращали на ноги девочек, поскольку в соответствии с этническими представлениями о привлекательности, у женщины должны быть прямые полные ноги. С рождения и примерно до 6 месяцев во время каждого посещения бани ребенка три раза поднимали, держа за голову, чтобы был стройный и высокий. Хотя, с точки зрения современной педиатрии, не все подобные действия имеют рациональное значение, есть сведения о том, что еще в середине 1990-х гг. в некоторых случаях подобные манипуляции могли продолжаться до достижения ребенком возраста 4–6 и даже 10–11 лет²⁵. Эти действия сопровождались речевыми формулами, позволяющими соотносить направления воздействия и ожидаемый результат. Многие эпитеты имели унифицированный характер, например: «Расти красивой девочкой (красивым мальчиком), высокой, стройной». Приведенные ниже сообщения информантов о проведении правки детей у коми-ижемцев были собраны в ходе экспедиции в Республику Коми в 1995 г. Эти практики бытовали вплоть до 1990-х гг.: «Через сутки после рождения ребенка несли в баню старушки и там правили: брали за голову и три раза поднимали, чтобы шея и позвоночник были ровные. Так делают шесть месяцев. Растягивали так: правую руку и левую ногу по три раза сзади стягивали» (инф. Дуркина П.И., 1923 г. р., с. Ижма, Ижемский р-н, Республика Коми)²⁶. «Через неделю после рождения ребенка несут в баню. С водой и мылом растирают все тело, правят головку, чтобы была без углов, круглая, растягивают ручки, ножки. У дочки нос был широкий, так дед правил. Зимой ребенка носят в баню раз в неделю, летом чаще. Если ребенок начинает ходить, а ножки кривые, их каждый день в бане вытягивают, чтобы прямые были» (инф. Вокуева М.Ф., 1922 г. р., с. Кельчиур, Ижемский р-н, Республика Коми)²⁷. «После рождения, дня через три или когда отпа-

дет пупок, несут в баню. Бабушка ребенка моет, растягивает, кладет на колено животиком, поглаживает, приговаривает: "Расти красивой девочкой, умной, работающей!" (инф. Канева О.П., 1927 г. р., дер. Большое Галово, Ижемский р-н, Республика Коми)²⁸.

Известные исследователи традиционной культуры коми И.В. Ильина и О.И. Уляшев отмечают, что приговорки при парении в бане мальчиков и девочек отличаются образным рядом и тематикой. Мальчиков парят, морально подготавливая к существованию в лесу, к охотничьему промыслу, как кормильцев семьи. Приговорки для девочек больше напоминают тексты свадебных приговорок и причитаний, для которых характерны параллельные описания девичьей красоты-здоровья в аналогии с растительными образами²⁹.

Обычай тугого пеленания преследовал цель придать фигуре определенные пропорции. Есть сведения об использовании специального корсета или прокладки из берестяной коры, использовавшиеся у коми, удмуртов, бесермян, мордвы. К процедуре пеленания подходили особенно тщательно, поскольку это обеспечивало в будущем стройность ножек. Однако в пеленании мальчиков и девочек имелись особенности.

Полевой материал о способах проведения массажа, направленного на придания красивых пропорций ногам у мордвы, был получен в ходе экспедиции в Республику Мордовия в 2007 г. Информант Рузманова О.Т. (1928 г. р., с. Левжа, Кочкуровский р-н, Республика Мордовия) продемонстрировала способы проведения массажа на своей правнучке: «Мягкое местечко (родничок. – Е.К.) надо пощупать, погладить <...>, так проверять надо три месяца <...>. Гладят по спинке от головы, вот так гладят вместе с головкой: "Вставай на ножки <...>, чтобы ножки были крепкие и сильные"». Проводя массаж ножек, взрослый берет одной рукой ребенка за пятки и поглаживает ножки, разминая каждый пальчик. Правят так же и колени ребенка. Для этого пальцами (большим и указательным) надавливают на определенные точки вокруг коленной чашечки. Считалось, что такой массаж способствует укреплению ног ребенка и приданию коленям красивой округлой формы. Информанты подчеркивали, что особенно это было важно при формировании ножек у девочек, для мальчиков большее значение имела крепость конечностей³⁰.

Маленьким детям правили голову, обминая и поглаживая ее для придания правильной формы. В зависимости от традиционных представлений о привлекательности голову правили

по-разному. Хотя у разных народов эти представления отличаются, но на раннем этапе развития человека чаще всего основные стандарты универсальны: голова ребенка должна быть круглая и ровная. Если для народов коми, удмуртов, русских Европейского Севера круглая голова и округлое лицо являются эстетической нормой, то, например, бесермяне, правя голову, старались придать ей вытянутую форму, чтобы лицо не было круглым «как удмуртская перепеча» (лепешка – Е.К., 2012)³¹. Широкое лицо не является привлекательным для коми (аналогично и для удмуртов), его сравнивают с лопатой³². Согласно традиционным канонам, лицо должно быть округлым, но не широким. Подобные же визуальные характеристики соответствуют представлениям о привлекательности и у мордвы, и у марийцев.

Узкий прямой нос с утонченной спинкой считался привлекательным у многих народов. Для придания подобной формы нос тоже «лепили», приминая от кончика до основания. Непривлекательным считался, особенно для мужчин, курносый или очень широкий нос. Есть сведения о том, что уже взрослые люди сетовали: «Если б бабушка поправила, то нос бы не торчал (не был бы "вздернутым")». И другое мнение: молодая женщина считала свою внешность привлекательной, поскольку ей дедушка правил нос до десяти лет³³.

Небольшие аккуратные, не оттопыренные уши являлись эстетической нормой для финно-угров Поволжья и Приуралья. Поэтому ушки малыша прижимали чепчиком, чтобы они плотно прилегли к голове и не оттопыривались.

По мере взросления ребенка необходимость в регулярном массаже обычно отпадала, но иногда подобные процедуры проводились довольно продолжительное время. Мотивация состояла в том, чтобы максимально улучшить внешние данные ребенка.

Следует отметить существование определенных обрядов, проводимых в первые дни после рождения младенца. Например, у марийцев было принято после «трех бань» (трех дней от рождения) начинать подготовку к празднику, посвященному новорожденному. Праздник открывал жрец, который произносил молитвы в честь Великого Белого Бога и родовых божеств. В своих обращениях он просил сделать так, чтобы мальчик годился в солдаты, а девочка – для замужества, чтобы боги наделили младенцев мудростью, умом, красотой³⁴. Имянаречение – важнейшее событие в процессе социализации ребенка. Часто именем наделяли новорожденного в течение первых трех дней

жизни, поскольку полагали, что если новорожденный умрет без имени, душа его будет блуждать.

После христианизации у финно-угров региона стали распространяться христианские имена, выбираемые по Святым. Однако вплоть до начала XX в. (согласно дохристианской традиции) имя выбирали повитуха, отец или собравшиеся по этому поводу родственники. Например, у мордвы ребенка могли назвать в зависимости от места и времени его рождения. Если «он появлялся на свет во время жатвы, его называли Нуяльге [от *нуема* (эрзя), *нума* (мокша) – жать], если во время дождя – Пизий [от *пиземе* (эрзя, мокша) – дождь]» и т. п.³⁵.

У марийцев обычно во время первого купания повитуха наделяла ребенка временным именем. У некрещеных марийцев такое имя соответствовало дню недели, в который ребенок родился: в четверг (*изарня*) – Изерге, в пятницу (*кугарня*) – Кугарне и т. д. Постоянное имя, созвучное именам родителей, давали дня через три-четыре. Имянаречение могли осуществить и повитуха, и языческий жрец – *карт*. Крещеные марийцы также старались как можно быстрее дать ребенку имя. Обычно через неделю после рождения младенца крестили, и он получал имя по христианскому имени³⁶.

У коми (и пермяков, и зырян) в соответствии с православными нормами имя давалось по Святым. Однако имеются сведения, что имя старались «сохранить» в семье. Как правило, существовала чрепоколенная передача имени: от бабушки – к внучке, от деда – к внуку.

Необходимо отметить, что при обрядовом оформлении каждого этапа социализации ребенка учитываются половые различия между детьми. Например, у коми перед крещением девочке желали «красоты и здоровья», мальчику – «мощь-силу и ум»³⁷.

В течение первого года в жизни ребенка происходили еще два важных события, имевшие отношение к формированию привлекательной внешности, – это первый постриг волос и появление зубов. Особые манипуляции совершали с первыми состриженными волосами. Не разрешалось выбрасывать волосы, поскольку считалось, что это может привести к болезням

младенца. К тому же полагали, что постриженные младенца будут способствовать тому, что в будущем волосы станут длинные и здоровые. Состриженные прядки обычно либо сжигали, либо прятали за матицей.

Белые крепкие зубы являлись показателем здоровья человека, его физической крепости и красоты. Тот, кто первым увидит зуб у младенца, должен был сделать ребенку подарок: ложку или рубашку. В ответ мать также делала небольшой подарок или предлагала угощение. Взаимное одаривание устраивали для того, чтобы остальные зубки быстрее прорезались и были крепкими и ровными. У группы бесермян, проживающих в верховье рек Леммы и Лекмы, считалось, что если ребенок выбросит свой первый зуб животным, то его собственные дети будут некрасивыми или с какими-нибудь физическими недостатками. Поэтому зуб старались спрятать так, чтобы его не нашли ни кошка, ни собака³⁸. А у марийцев, напротив, первые молочные зубы прятали в кусок хлеба и отдавали собаке, говоря при этом: «Пусть зубы будут крепкими, как у собаки»³⁹.

Таким образом, на раннем этапе социализации, в перинатальный и неонатальный периоды, происходило моделирование идеального визуального облика в соответствии с конкретными этническими представлениями. Для патриархального общества данный аспект ранней социализации является определяющим. Различия в воспитании мальчиков и девочек обусловлены необходимостью соответствовать установленному образцу, в том числе и визуальному. Каноны идеального визуального образа формировались веками и имели для представителей традиционного общества и, соответственно, традиционного типа сознания конкретную историческую и мифологическую обусловленность. Существовавшие практики были направлены на актуализацию определенных соматических доминант в соответствии с этнически обусловленными представлениями о физических признаках маскулинности и феминности. Данные меры преследовали цель сохранения собственного эстетического идеала как базисной ценности общества.

¹ Корнишина Г.А. Традиционные обряды детского цикла у мордвы // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры: Сб. ст. научного семинара. – М.: РГГУ, 2001. – С. 87.

² Тойдыбекова Л.С. Марийская мифология: этнографический справочник. – Йошкар-Ола, 2007. – С. 212, 213, 237.

³ Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. – С. 44.

⁴ Добровольская В.Е. Институт повивальных бабок и родильно-крестильная обрядность (по материалам экспедиций 1994–1997 гг. в Судогодский район Владимирской области) // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры: Сб. ст. научного семинара. – М.: РГГУ, 2001. – С. 96.

⁵ Бесермяне – финно-угорский народ, дисперсно проживающий на северо-западе Удмуртии; до 1995 г. – этнографическая группа в составе удмуртов.

⁶ Попова Е.В. Семейные обычаи и обряды бесермян. – Ижевск, 1998. – С. 41, 42.

⁷ Корнишина Г.А. Указ. соч. С. 81.

⁸ Марийцы. Историко-этнографические очерки: Коллективная монография. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2007. – С. 174.

⁹ Добровольская В.Е. Указ. соч. С. 99.

¹⁰ Марийцы. Историко-этнографические очерки... Указ. соч. С. 174.

¹¹ Христолюбова Л.С. Обрядность и мифология // Удмуртская мифология. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2004. – С. 106.

¹² Романова Г.Н. Традиционное воспитание детей у коми // «Мир детства» в традиционной культуре народов СССР. – Л., 1991. – С. 19; См. также: Никонова Л.И., Кандурина И.А. Как лечились народы Поволжья и Приуралья. – Саранск, 2005. Особенно эффективными, а потому обязательными были обереги, якобы закрывающие, ограждающие тело беременной и плод от проникновения вредоносных сил, дурного глаза, от возможности подмены: веревочка, кусочек сети, поясок на талии (особенно важен был для беременной, так как предотвращал возможность подмены или порчи ребенка), нитка с ягодой пиона, бусы, крестик на шее, платок на голове. В некоторых случаях, беременная могла носить два пояса, повязав один под одеждой. Считалось, что функцию оберега выполняла булавка или брошка, приколотая к изнанке одежды. Полагали, что будущая мать не должна рассказывать о своем самочувствии посторонним.

¹³ Илюха О.П. Указ. соч. С. 44, 45.

¹⁴ Попова Е.В. Указ. соч. С. 45.

¹⁵ Беляева Н.Ф. Этнопедагогика // Мордва: очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 2008. – С. 896.

¹⁶ Корнишина Г.А. Указ. соч. С. 83.

¹⁷ Никонова Л.И. Этномедицина // Мордва: очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 2008. – С. 891.

¹⁸ Беляева Н.Ф. Указ. соч. С. 83.

¹⁹ Полевые материалы А.А. Кирсановой. Экспедиция в Горномарийский район Республики Марий Эл. 2010.

²⁰ Марийцы. Историко-этнографические очерки... С. 175.

²¹ Там же. С. 176.

²² Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Марий Эл. 2009.

²³ Попова Е.В. Указ. соч. С. 58.

²⁴ Романова Г.Н. Указ. соч. С. 20.

²⁵ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 65 а. Л. 41.

²⁶ Там же. Л. 40.

²⁷ Там же. Л. 48.

²⁸ Там же. Л. 63, 64.

²⁹ Ильина И.В., Уляшев О.И. Жизненные пути-параллели: Мужской путь (мортгуй) и женский путь (аньтуй) // Арт – культура и история, литература и искусство Республики Коми. 2008. – № 4. <http://www.artlad.ru/magazine/all/2008/4/296/297> (дата обращения 17.01.2012).

³⁰ Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Мордовия. 2007.

³¹ Устное сообщение Е.В. Поповой (1968 г. р.), г. Ижевск, Республика Удмуртия. 2006.

³² Плесовский Ф.В. О параллелизмах во фразеологии коми и удмуртов // Об удмуртском фольклоре и литературе. Ижевск: Уд НИИ, 1973. – С. 105.

³³ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 77. Л. 18.

³⁴ Тойдыбекова Л.С. Марийская мифология... С. 278, 279, 241.

³⁵ Корнишина Г.А. Указ. соч. С. 428, 431.

³⁶ Марийцы. Историко-этнографические очерки... С. 177, 178.

³⁷ Ильина И.В., Уляшев О.И. Указ. соч.

³⁸ Попова Е.В. Указ. соч. С. 66.

³⁹ Марийцы. Историко-этнографические очерки... С. 179.

Письменные нарративы краеведов как источник для изучения этнической идентичности (на материале тверских карелов)

ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА ФИШМАН

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)
Доктор исторических наук, заведующая отделом этнографии
народов Северо-Запада России и Прибалтики
e-mail: olga_fishman@mail.ru

Статья продолжает серию публикаций автора о начальном этапе формирования историко-биографического дискурса тверских карелов советского периода. В ней предпринят анализ письменных нарративов карельских краеведов, исходя из существующих в настоящее время различных направлений биографических исследований, адаптированных для решения конкретных задач этнологического исследования: выявление особенностей индивидуальной этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: письменный нарратив, источник, биографический метод, этническая идентичность, тверские карелы, краеведы, советская эпоха.

UDC 39 (930.2)

Written Narratives by Local Lore and Area Study Specialists as a Source for Studying the Ethnic Identity of the Tver Karels

OLGA M. FISHMAN, D.Sc. (History)

Head, Department of the Ethnography of the Peoples of the North-West of Russia and the Baltics,
Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia
e-mail: olga_fishman@mail.ru

The article is a sequel to the writer's series of publications about the initial period in the formation of the historical and biographical discourse of the Tver Karels of the Soviet epoch. The writer attempts to analyze written accounts by Karel specialists on the local lore and area study, proceeding from diverse present-day approaches to biographical research adapted to the handling of specific tasks of ethnological investigations, such as the establishment of peculiarities in the individual's ethno-cultural identity.

Key Words: written narrative, source, biographical analysis, ethnic identity, Tver Karels, local lore and area study specialists, Soviet epoch.

В последние десятилетия сформировались новые теоретические и прикладные направления, интерпретационные модели и аспекты изучения различных типов идентичности (от личной до коллективной).

Одним из них является междисциплинарное биографическое исследование, синтезирующее методологические приемы этнографии, персональной и устной истории, социальной и исто-

рической психологии, литературной биографии¹. В центре внимания – внутренний мир конкретной личности, «изучение течения всей жизни человека, ее внутренней динамики, ее «встроенности» в социум, субъективного управления и приобретенного опыта»², представлений индивидуума об историческом процессе и развитии культуры.